

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
В КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА

Н.МАЛКОЛЬМ
СОСТОЯНИЕ СНА

Н.Малкольм
СОСТОЯНИЕ СНА

Перевод с английского
и предисловие В.П. Руднева

Москва
Издательская группа «Прогресс»
«Культура»
1993

СНОВИДЕНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ (предисловие)

Мне приснились целых два аргумента в мою пользу, но я их, разумеется, не вспомнил.

Лев Рубинштейн

Представим себе человека, спокойно сидящего у камина, он что-то читает или просто задумался... Вдруг он вспоминает, что однажды ему приснилось, будто он точно так же сидел у камина, читал и думал, и во сне ему казалось, что все это происходит с ним наяву. А вдруг, думает он, и теперь ему только снится, что он сидит перед камином, а на самом деле он лежит и спит в кровати? И нет ничего, что бы могло отличить кажущуюся реальность сновидения от истинной реальности повседневной жизни.

Этим человеком был Рене Декарт. О своих сомнениях он пишет в «Первом размышлении», относящемся к небольшому трактату «Размышления о первой философии».

Хотя сомнение было одной из главных интеллектуальных пружин философской рефлексии великого французского мыслителя XVII века, он тем не менее был прежде всего рационалистом, а не мистиком. Поэтому проблема разграничения сна и яви не давала ему покоя, как беспокоила

она и не менее великих его современников Готфрида Вильгельма Лейбница и Томаса Гоббса.

Как же все-таки разграничить сновидение и реальность? И не может ли на самом деле оказаться так, что мы, все время думая, что бодрствуем, на самом деле спим?

Более склонные к мистицизму древние китайские мыслители (прежде всего даосы и буддисты чань) так и полагали, что жизнь — это сон, а смерть — пробуждение от сна. Доктрина «жизнь есть сон» не была чужда и христианству, во всяком случае, она легла в основу одноименной драмы великого испанского католического драматурга XVII века Педро Кальдерона де ля Барка. В христианстве Истинная (Бесконечная) жизнь начинается только после смерти, обыденная жизнь — лишь бледное, призрачное подобие Истинной жизни, то есть не что иное, как сон.

Но, повторяем, Декарт и его современники были рационалисты. Поэтому если в «Первом размышлении» скептицизм по поводу разграничения сна и реальности весьма мучительно разъедает Декарта, то в последнем, «Шестом размышлении» он приходит к выводу, что теперь все сомнения отброшены и он наконец знает, как отличить явь от сна. Если события, которые происходят с ним в данную минуту, тесно связаны со всем ходом его жизни, то, значит, он не спит, а бодрствует. И чем больше связей между происходящим и всей остальной жизнью, тем больше гарантий, что все, что с ним происходит, происходит не во сне, а наяву. Этот принцип Декарта был впоследствии назван принципом когерентности (связности). Но и Декарт, и Лейбниц принимали его с

оговоркой, что он не дает абсолютной логической достоверности, но лишь достаточно большую вероятность; то есть мало вероятно, но все-таки логически возможно, что, даже если события, происходящие в данный момент, тесно связаны со всем ходом моей жизни, я тем не менее сплю, и тем самым вся моя остальная жизнь есть не что иное, как сон.

Но, довольствуясь принципом когерентности, философы XVII века успокоились и занялись более важными делами. В XVIII и XIX веках философия сновидения была не особенно популярна. Но зато в XX веке (по причинам, о которых будет сказано в дальнейшем) проблема декартовского скептицизма актуализировалась вновь, в особенности в рамках англосаксонской традиции. Ведущие философы этого направления Бертран Рассел, Альфред Айер и Джордж Эдвард Мур, разобрав проблему, сочли ее неразрешимой, полагая, что выйти из тупика «бодрствует человек или ему только снится, что он бодрствует» логическим путем невозможно.

Автор предлагаемой читателю монографии предпринял попытку выйти из этого тупика.

Норман Малкольм (род. в 1911 г.) — известный американский философ, профессор Корнелльского университета, в 1940-е годы близкий друг и ученик Людвиг Витгенштейна, у которого он стажировался в Кембридже. Малкольм оставил о Витгенштейне прекрасные, ставшие хрестоматийными воспоминания. Он одним из первых

¹См.: М а л к о л м N. Ludwig Wittgenstein: A Memoir. L., 1958.

отозвался в печати на посмертную публикацию «Философских исследований» Витгенштейна и впоследствии посвятил две книги разбору его философии.

Первым вызовом декартовской проблеме была публикация Малкольмом статьи «Сновидение и скептицизм»¹, послужившей основанием для острой дискуссии. В 1959 г. Малкольм публикует предлагаемую читателю книжку «Состояние сна», по сути дела, первую монографию 48-летнего философа. Впоследствии он опубликовал шесть книг и сборников статей: «Исследования по теории знания. Статьи...» (1970), «Проблемы сознания: от Декарта к Витгенштейну» (1971), «Память и сознание» (1977), «Мысль и знание. Статьи...» (1977), «Осознанность и причинность: диспут о природе сознания» (совм. с Д. М. Армстронгом) (1984), «Ничто не сокрыто: критика Витгенштейном своих ранних взглядов» (1986)².

Для того чтобы доказать бесосновательность декартовского скептицизма относительно проблемы сна и бодрствования (что является одной из главных, но не единственных целей моногра-

¹ См.: M a l c o l m N. Dreaming and Scepticism. — «Philosophical Review», 64 (1956), p. 14—37.

² M a l c o l m N. Studies in the Theory of Knowledge: Essays... — Oxf., 1970; M a l c o l m N. Problems of Mind: Descartes to Wittgenstein. — N.Y., 1971; M a l c o l m N. Memory and Mind. — Ithaca, L., 1977; M a l c o l m N. Thought and Knowledge: Essays... — Ithaca, L., 1977; M a l c o l m N. Consciousness and Causality: A Debate on the Nature of Mind. — Oxf., 1984; M a l c o l m N. Nothing is Hidden: Wittgenstein's Criticism of his Early Thought. — Oxf., N.Y., 1986.

фии), Малкольм ставит под сомнение считавшееся до него очевидным представление, согласно которому сны — это определенного рода переживание или опыт сознания. То есть когда человек спит и ему снится, что он видит, слышит, чувствует, воображает, представляет что-либо, то он действительно видит, слышит, чувствует, воображает, представляет, а ему не просто кажется, что он делает это. Чтобы обосновать свой нетрадиционный взгляд, Малкольм рассматривает предложение «Я сплю». Он считает это предложение совершенно бессмысленным (мы бы сейчас назвали его прагматически ложным). Человек не может сам о себе осмысленно и вразумительно утверждать или судить, что он спит. Это означало бы, что он отдает себе отчет в том, что он говорит. Но если человек отдает себе в чем-то отчет, значит, он не спит. В духе господствовавшей тогда верификационистской теории значения Малкольм справедливо замечает, что невозможно верифицировать (проверить) истинность или ложность суждения человека о самом себе, что он спит. Ведь состояние сна — это чисто имманентное, внутреннее состояние. Внутренние же состояния (здесь Малкольм цитирует позднего Витгенштейна) требуют внешних критериев для подтверждения того, что они действительно имели место. То есть, для того чтобы проверить истинность предложения «Я сплю», нужны какие-то внешние показатели, убеждающие человека в том, что он спит. Поскольку последнее невозможно, то предложение «Я сплю» бессмысленно. Оно может быть употреблено как ответ на вопрос «Ты спишь?» в смысле «Я засыпаю» или «Не мешай

мне, оставь меня в покое», но не более того. Спящий не может свидетельствовать о самом себе, что он спит.

Но раз человек не может судить о том, что он спит, он вообще не может ни о чем судить, находясь в состоянии сна, потому что иначе он должен был бы отдавать себе отчет, в каком состоянии находится, то есть отдавать себе отчет в том, что он спит, и тем самым судить о том, что он спит, что, как показал Малкольм, невозможно. Отсюда делается вывод, что никакие мысли, чувства, суждения и ощущения в состоянии сна невозможны.

Автор отвечает на предполагаемые возражения (не подозревая еще, какой лавиной на него хлынут настоящие возражения после выхода его книги), приводя ряд примеров. Допустим, человек, проснувшись, утверждает, что во сне он высказал суждение, что его друг Смит талантлив. Но из факта, что он не думал так о Смите до того, как лег спать, и что это не пришло ему в голову после пробуждения, еще не следует, что он подумал об этом во сне. Эта мысль могла ему прийти в голову в момент пробуждения.

Но если во сне человек, согласно Малкольму, не думает, не представляет, не видит, не слышит, не чувствует, то что же такое тогда сновидение?

Ответа на этот вопрос мы не услышим.

Малкольм вспоминает, как однажды на одной из лекций Витгенштейн сказал о том, что в философии важно знать, когда вовремя остановиться. Сфера аналитической философии — это то, что может быть выражено в языке. «То, что может быть сказано, должно быть сказано ясно, а о чем

невозможно говорить, о том следует молчать», — писал Витгенштейн в предисловии к «Логико-философскому трактату».

Мы можем судить о сновидениях только по тем рассказам, которыми люди иногда делятся после пробуждения. Понятие сновидения, говорит Малкольм (впоследствии эта мысль стала скандально знаменитой), производно не от сновидения, а от рассказов о сновидениях.

Существуют, утверждает Малкольм, два критерия: критерий поведения, определяющий сон (sleep) как физиологическое явление, и критерий свидетельства (тот факт, что люди рассказывают сны), который определяет сон (dream) как психологическое явление. Если бы люди не рассказывали снов, то понятие сновидения (the concept of dreaming) вообще не сформировалось бы, ибо «внутреннее состояние требует внешних критериев». Сновидение — внутреннее состояние. Люди видят сны, но если бы они не рассказывали друг другу своих снов, то откуда тогда взялось бы само понятие о том, что люди видят сны, ведь слова и понятия рождаются только при общении.

При этом Малкольм считает, что нельзя говорить о правильном или неправильном запоминании снов. Сон является именно таким, каким говорящий его запомнил, если же он его запомнил смутно, значит, это был смутный сон. Ибо опять-таки невозможно верифицировать правильность запоминания сна, для этого потребовалось бы, чтобы кто-то видел сон вместе с говорящим и мог при отчете о сновидении его скорректировать.

Малкольм выступает против попыток экспериментальной психологии дать объективную оценку

феномена сновидения. В частности, он категорически возражает против концепции американских физиологов У. Демент и Н. Клейтмана, обнаруживших корреляцию между так называемыми «быстрыми движениями глаз» (БДГ) и появлением сновидений. Эти физиологи путем экспериментальных наблюдений обнаружили, что, когда БДГ имеет место, человек чаще всего видит сны, а когда его глаза не движутся, он снов не видит. На основании этой корреляции Демент и Клейтман определяют протяженность сновидений. Разбуженных испытуемых спрашивают, какова, по их мнению, была продолжительность их снов. Как правило, испытуемые в своих ответах называют число, которое приблизительно совпадает с периодом БДГ. Но здесь Малкольм справедливо замечает, что если физиологи уже а priori определили, что продолжительность сновидения совпадает с продолжительностью соответствующего периода БДГ, то тогда бессмысленно говорить, что испытуемый правильно или неправильно определил продолжительность своего сновидения. Тем более, что если испытуемый определяет свой сон как короткий несмотря на то, что соответствующий период БДГ был длительным, то исследователи говорят, что он запомнил только фрагмент сна; если же, наоборот, испытуемый утверждает, что его сон был длинным, в то время как соответствующий период БДГ был коротким, то исследователи заявляют, что это была память о предыдущем сновидении.

Поскольку Малкольм, исходя из своих посылок, считает бессмысленными разговоры о правильном или неправильном запоминании снов, то

данные попытки объективного измерения длины сновидений он полагает бесосновательными.

Как нельзя объективно измерить скорость мысли или массу эмоции, так же бесполезно определять локализацию и продолжительность сновидения в физическом времени, так как сновидение находится вне пределов физического времени.

Но если нам не дано знать, что такое сновидение, и если понятие о последнем производно от рассказов о нем, то в таком случае мы вправе узнать хотя бы, что представляют собой эти рассказы о сновидениях. Малкольм называет их «очень странным феноменом». Действительно, человек просыпается утром и рассказывает своим близким о том, чего на самом деле никогда не было. Малкольм уподобляет рассказывание снов витгенштейновской «языковой игре», то есть фрагменту языка, который строится по особым правилам, не совпадающим с правилами других языковых игр и которым люди так или иначе обучаются в процессе усвоения языка. Так, в языковую игру рассказывания сна входит употребление слов «Мне приснилось, что». Иначе слушающий может подумать, что все то, о чем рассказывает говорящий, произошло с ним на самом деле. Но если говорящий сам незнаком с правилами языковой игры, он тоже может так подумать. Например, мальчик, проснувшись утром, рассказывает драматическую историю о том, что его преследовал волк. «Это был сон», — говорит ему мать. Так происходит обучение языковой игре рассказывания сна. То, что эти рассказы могут иметь какой-то «истори-

ческий» смысл, например быть пророческими, Малкольма не интересует.

Итак, поскольку во сне человек не думает, не чувствует, не ощущает, не воображает, то места для скептицизма просто не остается. Как же человек во сне может думать, что он бодрствует, если он вообще не может думать во сне? И как же, бодрствуя, человек может думать, что он спит, — ведь он думает и, стало быть, бодрствует.

Во всяком случае, так считает Норман Малкольм. Публикация книги Малкольма вызвала бурю резкой и продолжительной критики. В течение примерно 20 лет после ее выхода в свет по поводу нее было опубликовано не менее 80 рецензий, статей и обзоров, превышающих по своему объему небольшой трактат Малкольма по меньшей мере в 10 раз. Результаты полемики были обобщены в 1977 г. в сборнике «Исследования по философии сновидения»¹, явившемся по сути антологией по этой проблеме, охватывающей период с 1945 по 1976 г. В книге была перепечатана и статья Малкольма «Сновидение и скептицизм» (см. сн. 1 на с. 10), послужившая своеобразным водоразделом, ибо все последующие публикации сборника (10 из 15) посвящены разбору его концепции.

Как было уже сказано, практически все многочисленные отзывы на книгу Малкольма резко критические. Одно это, как пишет составитель и

¹ См.: *Philosophical Essays on Dreaming* /Ed. Ch. Dunlop. — Ithaca, L., 1977.

автор введения к «Исследованиям по философии сновидения» Чарльз Данлоп, не может не служить свидетельством значительности книги Малкольма¹.

Первым отозвался профессор Альфред Айер, один из трех современных Малкольму философов, к которым он задел в своем трактате. Дж. Э. Мур умер в 1958 г., а Б. Рассел уже занялся борьбой за мир и дружбу между народами, и лишь «последний из могикан» А. Айер выступил с тем, чтобы поставить «мальчишку» на место.

Надо сказать, что Малкольм действительно не всегда корректен по отношению к своим предшественникам. И его не упрекнешь в излишней скромности. Так, например, он заявляет, что если его теория верна, то добрая часть психоаналитической концепции должна быть пересмотрена. Правда, высказано это заявление в форме контрфактического суждения (если... то...), которое не является ни истинным, ни ложным.

Несмотря на то что концепция Малкольма вызвала большой негативный резонанс, это все-таки был резонанс в достаточно узкой среде философов-аналитиков. Образно говоря, это была скорее не буря в пустыне, а буря в стакане воды. Психоаналитики не бросились, прочитав книгу Малкольма, перестраивать свои теории, а экспериментальные психологи, ахнув, не кинулись перделывать свои приборы. Впрочем, вероятно, автор на это и не рассчитывал. Создается впечатление, что книжка написана в таком немного хулиганском, авангардистском тоне в память об

¹См.: D u n l o p Ch.E.M.Introduction.Ibid.,p.20.

эксцентричности — философской и бытовой — любимого учителя, Людвиг Витгенштейна.

Малкольм ответил на статью Айера антикритикой, а Айер вновь ответил Малкольму. На этом перепалка между учеными мужами прекратилась.

С годами нападки на Малкольма становились менее злобными и более конструктивными. Шок от футуристической манеры философствования сменился трезвым критическим анализом конкретных аргументов. Практически каждое положение Малкольма было по нескольку раз опровергнуто: утверждение, что сны не являются опытом сознания, оба критерия (поведения и свидетельства), его толкование запоминания снов, самого понятия сновидения, критика принципа когерентности, опровержение скептицизма *et cetera, et cetera*.

Некоторые аргументы были остроумны. Приведем для примера один из них. Джон Кэнфилд в статье «Суждения во сне»¹, чтобы опровергнуть малкольмовский тезис о бессмысленности предложения «Я сплю», истинность или ложность которого невозможно верифицировать, приводит в качестве примера предложение «Я сию секунду совершенно тихо». Если следовать Малкольму, то последнее предложение также является бессмысленным, ибо и его невозможно подвергнуть логической проверке. Это предложение также отражает внутреннее состояние и поэтому требует внешних критериев, но критериев для того,

¹См.: C a n f i e l d J.V. Judgment in Sleep. — «Philosophical Review», 70 (1961), p.224—230. Перепечатано в: Philosophical Essays on Dreaming, p. 149—156.

чтобы я сам мог проверить, что я сижу совершенно тихо и при этом высказываю суждение об этом, не может быть. Между тем предложение «Я сижу совершенно тихо» является вполне осмысленным.

Мы знаем, что судьбы книг весьма различны, а порой и парадоксальны. Есть книги, которые почти мгновенно канонизируются. Такова судьба «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, от которого автор, однако, впоследствии практически отказался. Есть книги, по поводу которых мнения с самого начала разделяются на противоположные. Так обстояло дело, например, с «Происхождением видов» Ч. Дарвина. Есть книги, которые с момента их выхода на протяжении многих десятилетий все очень дружно критикуют, пока потом вдруг не обнаруживается, что в них скрыты такие ценности, которых раньше просто не разглядели. Так было с «Учением о цвете» Гёте, которое с точки зрения естествознания XIX века казалось ниже всякой критики. В XX же веке оказалось, что это сочинение несет большую методологическую ценность. Ему придавали большое значение люди различных специальностей, например один из основателей серийной музыки австрийский композитор Антон Веберн или основоположник структурного (морфологического) изучения фольклора Владимир Яковлевич Пропп.

Похоже, что книга Малкольма относится к третьей категории. Может быть, на нее следует посмотреть совсем с другой стороны, и тогда все ее противоречия и парадоксы переосмыслятся. Возможно, время для этого еще не пришло, как

показывает опыт, здесь должны пройти многие десятилетия. Но что мы можем сделать, так это показать, какое место книга Малкольма занимает в культуре XX века и какую роль в XX веке играет философия сновидения.

Можно сказать, что XX век буквально начался с «открытия» сновидения. В 1900 г.

З. Фрейд опубликовал «Толкование сновидений», впоследствии одну из самых популярных своих книг, где он называет сон царской дорогой в бессознательное. В 1895 г. братья Люмьер изобрели кинематограф, который, подобно психоанализу, стал одним из культурных символов эпохи. Кино — особенно в его некоммерческом, творческом обличье — во многом напоминало психоанализ, но еще больше оно напоминало сон. Александр Блок называл кинематограф «электрическими снами наяву». Так же как и во сне, в кино почти все (а со временем практически все) было возможно. Так же как и во сне, реальное и мнимое путались в сознании воспринимающего. Таким, же, как во сне, было ощущение иллюзорности и бессилия зрителя перед экраном, что прекрасно описал Томас Манн в «Волшебной горе».

Третьим феноменом, определившим культурную окраску нашего столетия, была неклассическая физика: теория относительности и квантовая механика. Для среднего человека, ходившего в кинематограф и увлекающегося Фрейдом, тот факт, что скорость света является предельной, а время связано с пространством и может сжиматься и разжиматься, тот факт, что на результат эксперимента влияют не только прибо-

ры, но и экспериментатор, составляющий со всем этим одну систему, — все это было «из той же оперы»¹.

Одним словом, в XX век ворвалось иррациональное. Общий эффект от этого можно описать как крайнюю релятивизацию знания. К тому же в 1931 г. К. Гёдель доказал теорему о неполноте (если формальная дедуктивная система непротиворечива, то она неполна), что подвело черту под всеми сомнениями и поставило на них точку: достоверное знание невозможно. Мы не можем сказать тем самым, где кончается текст и начинается реальность. Мы не можем сказать, спим или бодрствуем.

Здесь мы пришли к тому, с чего начали, к декартовскому скептицизму, который не мог не актуализироваться в такой культурной ситуации. Вспомним эпизод из фильма Л. Бунюэля «Скрытое очарование буржуазии»: герои обедают за большим столом, вдруг раздвигаются стены, и они с ужасом осознают, что находятся на сцене перед полным людей зрительным залом, что они — актеры. Все с ужасом убегают, кроме одного, который продолжает сидеть оцепенев, пока не просыпается, — все это, оказывается, ему приснилось.

Мы уже подспудно наметили соотношенность между сном и художественным произведением (особенно если оно написано в XX веке). Их различие только в том, что любой природы текст овеществлен знаками, но какими знаками оперирует сновидение, мы не знаем. В остальном сходство

¹Подробнее см.: Руднев В.П. Введение в XX век: опыт культурной интроспекции. Ст. первая, «Родник», Рига, 1988, №1, с. 47—48.

поразительное. И во сне, и в новелле (Малкольм, кстати, в одном месте называет рассказ о сновидении новеллой) вымысел выдается за реальность, и там и здесь возможно то, что невозможно в жизни. Правда, во сне спящий одновременно является и автором, и читателем, и героем. Этим сон скорее напоминает миф. Изучение же мифологического сознания также стало характерной приметой культуры XX века, а К. Г. Юнг прямо связывал сны с мифологическим по своей природе и функциям коллективным бессознательным. Неомифологизм стал центральным литературным и — шире — художественным направлением в XX веке. Таким образом, сновидение как философская, психологическая и художественная проблема органично вписалось в культурную проблематику нашего столетия.

Между тем культура не может существовать и осуществлять себя только за счет одной идеи, пусть даже очень широкой. Принцип неполноты, открытый Гёделем, компенсировался принципом неопределенности, сформулированным В. Гейзенбергом (нельзя одновременно точно измерить координаты и импульс частицы, то есть, уточняя одно, мы упускаем другое), и принципом дополненности, принадлежащим Н. Бору (частица может быть адекватно описана, только если при этом используются дополнительные языки описания — квантовый и волновой). Шире: неполнота нашего знания о мире должна компенсироваться стереоскопичностью языков описания .

¹ Подробнее см.: Руднев В.П. Текст и реальность: направление времени в культуре. — «Wiener slawistischer Almanach», В. 17 (1986). S. 217—233.

Таким противоположным строгим языком в культуре XX века стал язык логического позитивизма, который объявил все традиционные проблемы философии псевдопроблемами, порожденными болезнью языка, идущей от его некритического использования; призвал подвергать каждое суждение строгой проверке (принцип верификации) и поставил перед собой задачу построения идеального языка, исключаящего многозначность и разночтения.

По сути дела, именно этим задачам отвечает трактат Малкольма. Он (неявным образом) объявляет проблему сновидения псевдопроблемой, ибо мы не можем знать в принципе, что такое сновидение, и философия, по выражению Витгенштейна, должна знать, «когда следует остановиться». Исследовать надо не само сновидение, а то, как оно присутствует в языке, то есть рассказы о сновидениях. При этом автор стремится точно придерживаться принципа верификации и в своем стремлении к точности и однозначности пресекает декартовский скептицизм, доказывая его несостоятельность.

Почему же книга Малкольма вызвала столь бурную и дружную критику? Неужели просто потому, что в ней действительно слишком много ошибок и противоречий? Не будем наивны! Сколько книг проходит совершенно незамеченными, а ошибок и противоречий в них хоть отбавляй. Думается, это произошло потому, что книга Малкольма вышла в свет в межпарадигмальный период, когда логико-позитивистская жесткая доктрина начала себя исчерпывать и на смену ей пришла более мягкая доктрина анали-

тической философии в строгом смысле этого термина. Поэтому малкольмовский трактат стал наиболее удобной мишенью, он, так сказать, попался под руку. Хотя характерно, что альтернативной книги по философии сновидения так никто и не написал.

С тех пор как книга Малкольма вышла из печати, прошло почти 35 лет. Изменения в науке за это время произошли огромные. После работ Дж. Остина начала активно развиваться теория речевых актов; генеративная грамматика Н. Хомского дала импульс к возникновению генеративной семантики; из модальной логики выросла семантика возможных миров и теоретико-игровая семантика; значительную роль в науке стала играть психология и лингвистика измененных состояний сознания.

Для большинства этих теорий общим является одно — неверификационистское понимание значения. М. Даммит показал, что, используя понятие истинности, невозможно построить непротиворечивую теорию значения. В то же время расширилось само понятие смысла и осмысленности. В 1957 г. Хомский приводил в качестве абсолютно бессмысленной фразу «Бесцветные зеленые идеи яростно спят». Но уже в 1959 г. Р.О. Якобсон показал, что стоит поднять уровень метафоризации на один порядок выше, как эта фраза станет осмысленной. Зеленый можно понимать как незрелый; бесцветный — как неинтересный, скучный; спать — как бездействовать, не прино-

¹Цит по: P u t n a m Н. Dreaming and 'Depth Grammar'. — In: P u t n a m Н. Philosophical Papers, v.2. Cambridge, 1975, p. 211—235.

сильнейшей пользы; яростно — в высшей степени, совершенно. В результате получится нечто вполне осмысленное: «Скучные незрелые идеи не приносят совершенно никакой пользы». Характерно, что в этот период объектом аналитической философии наконец стал поэтический язык, который тоже является специфической языковой игрой со своими достаточно сложными правилами. И в этой языковой игре бессмысленные, с точки зрения Малкольма, предложения «Я сплю» и «Я вижу сон» становятся вполне осмысленными. Ср.:

Льет дождь. *Я вижу сон*: я взят
Обратно в ад, где все в компоте,
И женщин в детстве мучат тети,
А в браке дети теребят.
Льет дождь. *Мне снится*: из ребят
Я взят в науку к исполину
И *сплю* под шум, месящий глину,
Как только в раннем детстве спят¹.

Конечно, можно возразить, что эти высказывания не выражают утверждения человека о происходящем и что вообще в поэзии можно писать все, что угодно. И тем не менее существуют, оказывается, контексты, в которых подобные фразы могут приобретать смысл.

Все же трактат Малкольма не читается как устаревшее пособие по истории философии. Есть книги, которые не устаревают, даже когда устаревают идеи, в них изложенные. Так, например,

¹ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы в 2-х тт. Т.1. — Д.: «Сов. писатель», 1990, с. 349 (курсив мой. — В.Р.).

нельзя сказать, чтобы устарела «Этика» Спинозы или «Математические начала натуральной философии» Ньютона, хотя и этика Спинозы и механика Ньютона в значительной степени принадлежат лишь истории науки и философии. Но в этих произведениях есть нечто большее, чем то, о чем в них говорится, некое в широком смысле эстетическое начало — недаром говорят о красоте теории как о ее важном параметре, — что делает их более времяустойчивыми. Книга Малкольма вполне удовлетворяет этому критерию научной и философской красоты, некой эстетической достоверности.

В.П.Руднев

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение	31
2. Утверждение о том, что некто спит	36
3. Суждение о том, что некто спит	39
4. Сравнение предложений «Я сплю» и «Мне больно»	47
5. Два возражения	51
6. Критерии сна	54
7. Явления, сходные со сном	60
8. Глубокий сон	63
9. Суждения во сне	70
10. Приложение к другим психическим феноменам	82
1 1. Сон как исключение	86
12. Понятие сновидения	91
1 3. Временная локализация и продолжительность сновидений	110
14. Станный феномен	125
15. Неразрывная связь между сновидением и бодрствованием	134
16. Сновидение и скептицизм	146
17. Принцип когерентности	155
18. Знаю ли я, что я не сплю?	162
Приложение. Сновидения и психиатрия	171
Библиография	174